В. Х. Манёров

СОВЕСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается одна из ведущих проблем в рамках широкой проблематики, обусловленной нарастающим влиянием техногенных факторов на социально-культурные устои жизнедеятельности и саму природу человека, что отмечается в развитых странах, в частности, в России. Анализируя основополагающие публикации, автор фокусирует внимание на негативном влиянии современных информационно-коммуникативных средств на духовно-нравственную сферу личности. Однако отмечается, что бытующая в литературе оценка состояния современной российской молодежи как «моральный коллапс» недостаточно верифицирована эмпирически. В частности, она вступает в противоречие с данными мониторингового психологического исследования свойств и состояний совести студентов, получаемыми автором в последнее десятилетие. В них неоднократно подтверждается феномен устойчивости транскультурного инварианта совести, конституируемый как комплекс позитивных представлений о ее свойствах и состояниях, противоречащий огульным негативным оценкам. В то же время выдвигается и находит подтверждение гипотеза о наличии позитивной корреляционной связи между выраженностью у студентов интернет-зависимости и отдельными признаками обесценивания нравственных ценностей и совести.

Ключевые слова: кризис духовности, информационное общество, свойства и состояния совести, мониторинговое исследование, транскультурный инвариант совести, интернет-зависимость.

V. Manerov

CONSCIENCE AS AN INDICATOR OF SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

The article considers one of the leading problems in the broader perspective, due to increasing influence of technogenic factors on socio-cultural foundations of human life and human nature that is observed in developed countries, particularly in Russia. Analyzing fundamental articles, the author focuses on the negative impact of modern information and communication tools on the spiritual and moral sphere of the person. However, it is noted that currently in the literature assessing the current condition of Russian youth as a «moral collapse» insufficiently verified empirically. In particular, it is in conflict with the data of the monitoring of psychological research of properties and conditions of conscience students obtained by the author in the last 10 years. They repeatedly confirmed the phenomenon of resistance transcultural invariant of conscience and identity constituted as a complex of positive ideas about its properties and the state, contrary sweeping the negative assessment. At the same time put forward and confirmed the hypothesis about the existence of a positive correlation between the severity of students ' Internet addiction and a separate indication of impairment of moral values and conscience.

Keywords: crisis of spirituality, information society, properties and condition of conscience, monitoring study, transcultural invariant of conscience, internet addiction.

Обсуждение социально-культурных проблем информационного общества неизбежно включает в себя широкий круг вопросов, в которых сопоставляются, с одной стороны, технологические достижения современной цивилизации и, с другой, сопут-

ствующее техническому прогрессу состояние социально-гуманитарной сферы бытия человечества. Парадоксально, что нынешнее положение человека, окруженного множеством устройств, предназначенных для облегчения его жизнедеятельности, оценивается многими крупнейшими учеными как кризисное, усугубляющееся вместе с развитием техники. Тема гуманитарного кризиса на протяжении всего прошлого века, с течением его десятилетий, не раз меняла свою тональность, и десятилетия надежды на всестороннюю пользу и преимущества, приносимые научно-техническим знанием и порождаемой им индустрии, создающей, в свою очередь, новый предметный мир, приходившиеся на межвоенные годы, сменялись разочарованием, наступавшим вследствие того, что в военное время научно-технический потенциал оказался для человечества не менее эффективным средством уничтожения, нежели роста благосостояния в годы мирные [16].

После Второй мировой войны тема кризиса получала все более полифоническое звучание: первоначально она обозначала кризис культуры, позднее — дополнилась обертонами кризиса технократизма, рационализма, либерализма, постмодернизма. В итоге возникла тема кризиса человека и личности, прежде всего, — человека массовой культуры. Кризисные явления были описаны многими философами и социологами, писателями и теологами: К. Ясперсом, Х. Ортега-и-Гасетом, Ж.-П. Сартром, А. Камю, М. Хайдеггером, Э. Фроммом, А. Вебером, О. Хаксли, С. Лемом, Д. фон Гильдебрандом, И. Илличем и многими другими, и в результате обобщения критических осмыслений происходящего возник термин «кризисное сознание». В основу негативных оценок и прогнозов была положена концепция отчуждения человека от результатов собственного труда, отторжения его творческих сил, блокирующего самореализацию личности. Эта обвинительная концепция для капиталистического общества, принесшего разделение труда, сделавшего его эффективным, но отчуждающим, была предвосхищена еще Томасом Гоббсом в XVII веке и позднее развита Г. В. Ф. Гегелем и К. Марксом. Идея отчуждения, приведшая к гуманитарному кризису, была подкреплена реальными негативными последствиями технологического развития, прежде всего, — экологическими, приобретшими в контексте изменения климата планетарный масштаб. В результате подобного развития возникшая в научном сообществе и широко представленная картина мира рисует сферу техники не только как нечто обретшее самостоятельное и неуправляемое существование, но и подчиняющее человека, подавляющее его творческую активность, провоцирующее асоциальную чувственность, проникающее во внутренний мир человека и его модифицирующее [16]. Возникает тема негативного техногенного влияния на состояние высшей, духовно-нравственной сферы человека и, стало быть, на состояние его совести. Еще в середине прошлого века социолог Альфред Вебер пишет об охватившем внешне благополучный западный мир духовном нигилизме, возникшем на фоне цивилизационных завоеваний в технической и рациональной сторонах его существования: «Процесс духовно опустошающего тотального технократического господства проявляет себя в разных формах и, в частности, в нарастании скорости всех сторон существования, которое становится самоцелью» [14, с. 141–142]. А. Вебер пишет о возникновении государства без культуры, о технократической безудержности в науке и технике, о погоне за сенсациями в жизни, о том, что нигилистическим становится все общество, в котором его члены добиваются жизненных удобств за счет забвения душевно-духовных сторон человеческого бытия [4]. Философ-диалогист М. Бубер называет отличительной особенностью кризиса перемену в отношении че-

ловека к вещам, созданным его трудом, отторжение человека от его творения. Мир вещей, по мнению философа, сегодня стал сильнее своего творца, обособился от него и занял по отношению к нему позицию независимости. В качестве главной враждебной силы такого мира М. Бубер именует область техники. «Машины, изобретенные для того, чтобы служить человеку-работнику, сделали его своим рабом. Они задуманы всего-навсего как инструмент и некий придаток человеческих рук, но человек сам стал их придатком…» [1, с. 193]. К. Ясперс в середине прошлого века также указывал, что технические средства угрожают не только сохранению природы, но уже вторгаются и во внутреннюю природу человека, провоцируя его к отказу от своей сущности, от духовных поисков, от трансцендентности как «некоего безусловного начала свободы» [6, с. 190]. В последние десятилетия XX века Э. Фромм предупреждал об угрозе для существования человеческого рода, идущей от «технологического фашизма с улыбающимся лицом», ставя перспективу продолжения его существования в зависимость от социально-экономических преобразований и «радикального изменения человеческого сердца» [21, с. 18].

Итак, уже за несколько десятилетий до наступления информационной эпохи как новой ступени в развитии цивилизации, кризисное развитие, по оценкам некоторых мыслителей, привело к гуманитарной катастрофе. Как подчеркнул М. Хайдеггер, «почти мгновенно» в историческом исчислении в европейской культуре исчез источник духовной жизни, предполагающий наличие смысла мира и человеческих судеб, приведший к появлению человека, существующего без внятного ответа на вопрос «а зачем?» (цит. по [23]). Проблему обессмысливания существования человека как характерного для современного общества ноогенного невроза сформулировал В. Франкл, в то же время называвший совесть интуитивным органом поиска смысла человеческой жизни [20]. В художественной литературе также все чаще прогнозировалось нарастающее негативное влияние техногенных факторов на нравственную сферу личности. Писатель-фантаст Ст. Лем в 1968 году написал в своей книге «Сумма технологий», что основной проблемой будущего станет исчезновение под влиянием агрессивности новой информационной среды «кажущихся сегодня нерушимыми моральных императивов». Позднее японский философ Т. Имамичи сообщает об уже произошедшей автоматизации человеческих отношений, о технологическом однообразии как новом способе коллективной идентификации, об искусстве уничтожения личностных характеристик, и снова — об отчуждении человека от его собственной природы [8, с. 79–80]. Уже в наши дни известный писатель и семиотик Умберто Эко наблюдает ставший повседневным и явным феномен «восхваления зла», которое прежде производилось тайно: «Сегодня это показывают по телевидению, и дети смотрят на это за ужином» (интервью газете Фигаро [24]). Французский философ М. Терещенко, имея в виду западный мир, пишет «о почти безраздельном господстве парадигмы эгоизма в современных гуманитарных науках» [18, с. 8]. С. Б. Токарева приходит к выводу, что кризис духовности порождается комплексной причиной, включающей в себя три момента: теологический, проявляющийся в утрате религиозного чувства, метафизический, связанный с девальвацией абсолютных ценностей, и культурологический, выражающийся в общей дезорганизации жизни и в потере человеком смысложизненных ориентиров [19, с. 290].

Тема влияния техногенных факторов на психику человека обострилась с наступлением информационной эпохи, с развитием информационного общества. Особую остроту ей придает масштабность произошедшей технологической революции, ак-

тивность, даже агрессивность, неукротимость стремительно развивающейся информационно-коммуникативной среды. При этом многие современные исследователи стараются избежать односторонней позиции при оценках характера воздействий новых технологий на все сферы жизни человека. С одной стороны, как отмечается, новая эпоха знаменовалась масштабным технологическим прогрессом, проникающим во все сферы человеческой деятельности, от космической до повседневно-бытовой. С наступлением информационной эпохи связывают повышение жизненного уровня населения, и не только в развитых странах Запада. Отмечается также рост количества и качества высокотехнологической продукции, доступной для повседневного употребления широкими слоями населения. Несомненно позитивным фактором предстает облегченный доступ к сокровищницам мировой культуры через Интернет, который, к тому же, способствует реализации новых возможностей в получении качественного образования, в том числе университетского, с помощью дистанционного обучения. С другой стороны, несложно заметить, что многократно возрос объем времени, занимаемого у огромного количества людей стремительно множащимися цифровыми устройствами (гаджетами), что не только отрывает человека от живого общения, но и приводит к новым негативным последствиям в психической сфере, в том числе к новым психологическим зависимостям, таким, как интернет-зависимость, а также игровая и компьютерная зависимости. Поэтому, как примирительно отмечает А. Е. Войскунский, «специалистами неоднократно высказывались полярные мнения, касающиеся социальных и психологических последствий применения информационных технологий: от крайне позитивных < …> до негативных», и по этой причине следует говорить об амбивалентности этих последствий [5, с. 12].

Несложно все же заметить, что в отношении состояния ценностно-смысловой и духовно-нравственной сферы жизни в философской литературе по-прежнему преобладает мнение о нарастающей зависимости человека от созданного им мира новых технологий. Более того, отмечается, что она обретает новое качество, — как зависимость от создаваемой на базе этих технологий новой виртуальной реальности, смещающей моральные ориентиры в структуре мировоззрения.

Как пишет, к примеру, в своей диссертации Н. В. Ситкевич, «мировоззренческие трансформации в информационном обществе определяют основные тенденции изменения нравственных ценностей. Главными из них являются: перемещение интересов субъекта с духовной, интеллектуальной сферы в материальную, телесно-вещную; превращение культа знания и просвещения в культ удовольствия и естественности; освобождение от стремления к нравственному идеалу и ориентация на нормы гедонизма и утилитаризма; подмена творчества — потреблением, жизни — игрой, реальных отношений — виртуальными» [17].

В другой философской диссертации ее автор, О. А. Филина, пытается выявить природу кризиса современного информационного общества, а также, что для нас особенно важно, проводит анализ его моральных дилемм [22]. Следуя предсказаниям мыслителей недавнего прошлого, она также приходит к выводу о духовно-нравственном кризисе современного человека, о кризисе смысла его существования. Автор диссертационной работы убеждена и в том, что моральные дилеммы информационного общества возникают в контексте кризиса цивилизации и являются формами этого кризиса. О. А. Филина полагает также, что в информационном обществе существует прямая зависимость между интенсивностью технологического развития и ростом кризисных явлений в

области нравственных ценностей и духовной культуры [22]. Она приходит к выводут, что моральные дилеммы информационного общества обнажают два существенных противоречия: 1) противоречие между культурным и техническим развитием; 2) противоречие между техническим развитием и нравственностью. Следствием этого, считает диссертант, является необходимость развития информационной этики с функцией регуляции моральных дилемм.

К концу XX века среди гуманитарных проблем человека в окружившем его многомерном информационном пространстве актуальнейшей становится проблема воздействия СМИ на массовое сознание, формирования сознания сотен миллионов людей под заданные цели, образцы, модели (С. Кара-Мурза [9, с. 236]). В рамках этой проблематики реально воплотилась угроза массовидного негативного влияния СМИ на нравственное сознание и поведение ([Павлова [13, с. 642], С. Кара-Мурза [9, с. 236]). Ведь состояние нравственности и ее психологического механизма — совести не случайно расценивается как основание не только культурной, но и просто упорядоченной жизни, как состояние фундамента человеческого бытия (И. А. Ильин [7, с. 152]. Поэтому наблюдаемое как в России, так и в западном мире резкое снижение уровня нравственности и морали рассматривается как провоцируемая современными СМИ нравственная угроза, опасность для духовно-нравственного существования для всего человечества, либо особо опасная для отдельных стран, оказавшимся в фокусе многих негативных воздействий. В итоге, как справедливо пишет В. П. Карелин, «из всего множественного количества глобальных проблем человечества, опасностей и угроз проблемой номер один сегодня оказался сам человек, его несовершенство во всех проявлениях. На рубеже веков человек столкнулся со сложными проблемами своего собственного существования, развития и совершенствования…» [10, с. 2].

Между тем конкретные науки начинают выявлять и вполне определенные биопсихологические механизмы влияния СМИ на моральные ориентиры людей. Оказалось, что один из таких механизмов запускается тем обстоятельством, что современные массовые СМИ создают информационные потоки, ориентируясь на предъявление сенсационных новостей, чаще всего трагического или криминального характера, действуя в скоростном потоковом режиме. Такие массы сообщений, переданных через Интернет или телевидение, не дают зрителям достаточного времени на выработку эмоциональной реакции в ответ на проявление моральных качеств других людей.

Этот факт доказан в исследовании, проведенном в университете Южной Каролины. Как сказано в публикации о его результатах, «Мы разделяем добро и зло, во многом опираясь на возникающее в нас сочувствие или восхищение. Проявление этой очень глубокой физиологической реакции, позволяющей нам дать определение гуманности, требует достаточно много времени», — отмечает Ханна Дамазио (Hanna Damasio), соавтор публикации, слова которой приводит пресс-служба университета штата Южная Каролина [2]. Она пишет, что «в отличие от ситуаций с показом физической боли, когда зрители способны выработать эмоциональную реакцию за доли секунды, им гораздо больше времени необходимо, чтобы начать сочувствовать душевной боли людей или проявить восторг по поводу их моральных качеств. Если при этом мы продолжаем получать поток все новой и новой информации, эти чувства могут не возникнуть, что обязательно скажется на моральном облике человека… Особенно подвержены такому негативному влиянию дети, чей мозг находится в стадии развития. Наибольший вред их моральному облику, таким образом, могут нанести

новостные телепередачи и видеоигры, в которых одна сцена насилия и жестокости быстро сменяется другой», — считает Мэри Элен Иммордино-Янг, автор исследования [2].

Отечественная психология, которая в советский период своего существования подходила к проблеме нравственности и совести с известной долей осторожности, делегируя эту проблематику философии, этике, начиная с последнего десятилетия прошлого века активно включается в разработку сложнейшего феномена, фокусируя внимание на современном состоянии духовно-нравственной сферы человека в стране [15, 11]. В качестве основных факторов снижения нравственного уровня сегодня рассматривается необычайно жесткий характер проводившихся в стране экономических и социальных преобразований, ввергнувший значительную часть общества в состояние аномии, стресса, депрессии, апатии, агрессии, приведших к резкому увеличению смертности и к снижению рождаемости, к наркомании, к алкоголизму, к расцвету преступности, в том числе в молодежной среде. Согласно данным С. Кара-Мурзы, разрушение ядра нравственности происходило, начиная еще с пятилетия перестройки, в форме так называемой сексуальной революции, пропаганды половой распущенности эстрадных «звезд», идеи допустимости и даже пользы проституции, например, в предложениях об организации публичных домов для мигрантов, через обилие агрессивных сцен в телепродукции, а также путем обесценивания, даже высмеивания героического прошлого страны [9].

Обширнейший спектр массовых проявлений личностной дезадаптации вызвал активную исследовательскую реакцию психологов, представителей вузовской и академической науки уже в 90-е годы. Сегодня, как пишут, к примеру, авторы недавно вышедшей монографии «Психология нравственности» А. Л. Журавлев, А. В. Юревич, «Неисчерпаемость и разнообразие нравственной проблематики диктуют необходимость выделения ее приоритетных для отечественной психологической науки слагаемых», а в качестве важнейшего приоритета называется «Нравственное состояние современного российского общества» [15, с. 11]. В своих работах А. В. Юревич, А. Л. Журавлев приходят к выводу о моральном коллапсе, нравственной деградации, испарении, коррозии моральности [15, с. 11]. К подобным выводам приходят также В. И. Добреньков и Д. И. Фельдштейн, В. И. Слободчиков и многие другие ученые. В качестве объясняющего деградацию нравственности теоретического конструкта указывается на состояние социальной аномии (по Дюркгейму, Мертону), в котором пребывает российское общество, особенно его молодое поколение. Социальная аномия характеризуется тем, что рекламируемые, декларируемые в обществе ценности, прежде всего материальные, не могут быть достигнуты без нарушений закона, что неизбежно приводит к массовидным нарушениям нравственных норм.

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в научной и публицистической литературе выводы о нравственной деградации населения делаются преимущественно на основе статистических данных, значительную долю в которых занимают показатели преступности. Уже этот факт настораживает, поскольку из него следует, что диагнозы делаются на основе пусть и большой выборки, но не репрезентативной в отношении генеральной совокупности, и поэтому нуждаются в проверке другими, желательно эмпирическими, методами, непосредственно измеряющими изучаемый феномен. Поэтому нам представляется, что, несмотря на кажущуюся неоспоримость поставленных диагнозов, необходимо постоянное отслеживание ситуации в форме психологического и социологического мониторингов состояния нравственности российской молодежи,

прежде всего молодежи студенческой, в значительной мере определяющей будущее страны. Кроме того, поскольку молодые люди, обучающиеся в университетах, выросли в условиях информационного общества, исследователи в разных странах, в том числе и в России, уже получили возможность эмпирически проследить путем проведения мониторинговых исследований результаты долговременного воздействия информационных технологий на личность, сознание, на отдельные психические функции пользователей сетевых и компьютерных технологий.

Для проведения подобных мониторингов на кафедре психологического познания РГПУ им. А. И. Герцена разрабатывалось теоретико-методологическое и методическое обеспечение психологического исследования совести как универсального механизма нравственного сознания, свойства и состояние которого достаточно адекватно отражают нравственное состояние ее обладателя. Совесть, как свидетельствует множество красноречивых высказываний крупнейших мыслителей, является одним из наиболее загадочных явлений внутреннего мира человека, названным даже «основной тайной бытия», и попытки ее измерения сами по себе являются проблематичными. В качестве объекта исследования мы рассматриваем явление совести как многоаспектный, выполняющий разнообразные функции психологический орган, объединяющий функционирование многих психических образований, реализующих, в той или иной степени, способность человека различать «доброе» и «злое», призывающий совершать нравственный выбор в пользу добра, заставляющий испытывать страдания при совершении злого поступка и позитивные эмоции — при выборе добра. При познании явления совести выявляется его антиномическая природа, описываемая на языке многих оппозиций, таких, как «имманентная — трансцендентная», «врожденная — воспитуемая», «интуитивная — рациональная», «субъектная — объектная» и т. д. [11].

В силу антиномической природы совести наиболее адекватным при ее изучении нам представляется неклассическая и постнеклассическая парадигмы психологической науки, а также сочетание антропоцентрического и социоцентрического подходов. В его рамках и создавались методические средства — опросники, психосемантические и проективные методы, ориентированные на измерение свойств и состояний феномена. С помощью комплекса этих методик, начиная с середины первого десятилетия нового века, нами проводилось обследование состояний совести российских студентов гуманитарного профиля, прежде всего психологов [11]. В 2012–2013 годах эти данные были дополнены результатами, полученными в процессе кросс-культурного исследования китайских и российских студентов нашим аспирантом Ван Хаоюй [3; 12]. В начале 2014 года была проведена еще одна серия измерений, результаты которого представлены в данной статье.

Предлагаемое к обсуждению эмпирическое исследование состояло из двух частей. Во-первых, с помощью лежащей в основе комплекса наших методик опросника свойств, состояний совести (ОССС) осуществлялся новый эмпирический срез мониторинга — определялось состояние совести студентов-психологов IV курса в текущем учебном году. Во-вторых, проводился анализ корреляционных взаимосвязей между характеристиками совести и уровнем увлеченности/зависимости от глобальной сети Интернет. В методике ОССС, состоящей из 101 утверждения нравственной природы, свое согласие или несогласие с утверждениями информанты оценивают по 7-балльной шкале [11]. Отметим, что данные последнего среза за 2014 год для утверждений, по которым получены оценки достаточно определенного характера, приведены в последнем столбце таблицы 1.

Таблица 1

Методика ОССС, средние групповые оценки для четырех срезов

Номер утверждения в ОССС	*1. Руские 2009–2010 гг.*	*2*. Русские 2012* г., 100 ч.*	*4*. Китайцы, живущие в КНР, 2012 г., 100 ч.*	*3. Русские 2014 г., 44ч.*
3) Из глубины сердца звучит голос, который удерживает меня от некоторых поступков	5.49	5.01	4.79	4.91
4) Я думаю, у каждого человека есть какой-то внутренний стержень	5.51	5.19	5.40	5.43
6) Я переживаю, когда не могу помочь человеку, нуждающемуся в поддержке	5.14	5.48	5.13	5.63
10) Я обнаружил отсутствие смысла в жизни	2.18	2.86	2.94	2.89
18) Моя жизнь кажется мне крайне бессмысленной и бесцельной	1.90	2.39	2.66	2.52
22) Ответственность за других — качество зрелой личности	5.65	5.29	5.45	5.00
31) Мой внутренний голос для меня — довольно скучный партнер для общения	2.16	2.90	2.77	2.41
37) Хуже всего — причинять боль близким людям	6.25	5.52	5.52	5.91
44) Обычно я переживаю, когда не могу вовремя вернуть долг	5.57	5.20	5.07	5.20
45) Моя жизнь не управляется мной…	2.73	2.56	2,78	2.86
56) Я редко добиваюсь чего-то в жизни сам и полагаюсь на родителей	2.81	2.54	2.85	2.68
58) Мое внутреннее Я кажется черно-белым, безликим	2.18	2,60	2.69	2.66
63) Когда я недоволен собой, меня что-то грызет и укоряет изнутри	5.55	5.38	5.15	5.57
71) Нравственность, мораль, совесть — общие понятия, имеющие слабое отношение к реальной жизни	2.85	2.92	3.28	2.68
76) Нравственные правила — не дар свыше, а продукт воспитания	4.71	5.39	5.12	5.68
84) Совершая что-то непорядочное, мы больше вредим себе	—	5.03	4,88	5.22
99) Большинство священников больше думает о материальной стороне жизни, чем о духовной	—	2.87	2.91	4.66
100) Я не хотел бы воспитывать своих детей как совестливых людей — это помешает им в жизни….	—	2.66	2.22	2.00

Примечание. В методике ОССС оценка в 1 балл означает полное несогласие с утверждением, 2 — несогласие, 3 — скорее несогласие, чем согласие, 4 — неуверенность ни в согласии, ни в несогласии, 5 — скорее согласие, 6 — согласие, 7 — полное согласие.

Как следует из этих результатов, в течение указанных сроков сменяющие друг друга группы студентов сохраняют следующее представление о совести: они считают, что «из глубины сердца звучит голос, удерживающий их от некоторых поступков», «что у каждого человека есть какой-то внутренний стержень», «переживают, когда не могут помочь нуждающемуся в помощи человеку», «их жизнь кажется им осмысленной». Они также считают, что «хуже всего причинять боль близким людям», их внутреннее Я кажется им «достойным внимания», им знакомы «укоры совести», они не согласны с тем, что «нравственность и совесть — понятия, имеющие слабое отношение к реальной жизни», они полагают, что «безнравственные поступки больше вредят совершающим их»; они не согласны с утверждением о том, что «они не хотели бы воспитывать своих детей как совестливых людей». Приведенный блок утверждений, с которыми соглашаются или не соглашаются информанты, неизменно фиксируемый в течение нескольких лет, обладающий, как оказалось, и транскультурным качеством, т. е. сходством, выявленным при сравнении российских и китайских студентов, позволяет подтвердить уже высказанное нами ранее положение о существовании в сознании студентов позитивно окрашенного комплекса нравственных представлений и понятий, восходящего к образу позитивной, принимаемой совести, выполняющей функции различения добра и зла и направляющей ее обладателя к добру. Очевидно, этот неоднократно подтвержденный нами эмпирический результат, к тому же получивший статус трансперсонального, находится в определенном диссонансе с утверждениями о глобальном нравственном кризисе молодого поколения в стране и требует коррекции и уточнения используемых формулировок о нравственном состоянии российской молодежи. С другой стороны, требуется и продолжение исследований, подобных приведенному выше, направленных на расширение спектра социальных слоев исследуемых выборок.

Второй аспект нашей работы носит пилотажный характер, он был посвящен поиску эмпирических свидетельств наличия значимых корреляционных взаимосвязей между характеристиками представлений о совести (свойствами, состоянием, отношением к ней) и уровнем увлеченности / зависимости от сети Интернет. Индекс интернет-зависимости измерялся интегративной шкалой Чена, а показатели свойств и состояний совести — с помощью методики ОССС. На выборке студентов-психологов в 30 человек рассчитывался коэффициент ранговой корреляции Пирсона Rs (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, обнаружены достоверные корреляционные взаимосвязи между степенью выраженности интернет-зависимого поведения и выявленными в ответах на утверждения опросника ОССС следующими позициями (установками) в отношении совести и нравственных ценностей: «Нравственность, мораль, совесть — общие понятия, имеющие слабое отношение к реальной жизни», «Современный человек может добиться большего, потому что избавился от нравственных химер». Тяготеющие к интернет-зависимости с большей степенью уверенности отмечают: «В моей жизни возникали обстоятельства, когда я шел на сделку со своей совестью», «Мой внутренний голос редко подсказывает мне то, с чем я бы когда-нибудь согласился», «Что-то мешает мне выполнять указания совести», «Периоды внимания к внутреннему голосу чередуются с периодами полного невнимания или его молчания», для них характерна и меньшая степень согласия с утверждением «Внутренняя правда лежит в глубине моей души». Близка к достоверной и корреляционная связь выраженности интернет-зависимости с оценками согласия с утверждением «Периоды внимания к внутреннему голосу че-

редуются с периодами полного невнимания или его молчания».

Все перечисленное означает тенденцию к обесценению понятий нравственности, морали и совести как явления собственного внутреннего мира студентов с интернет-зависимым поведением. Для них характерно колеблющееся, неустойчивое состояние обесцениваемой ими совести, не имеющей достаточно устойчивых оснований и в ценностной ориентации их личности. Но и в подобном колеблющемся и обесцениваемом состоянии их совесть способна время от времени реализовать свои функции, совершать рефлексивный анализ, отмечать «неприглядные поступки», стараясь их предотвратить: «Когда я совершаю неприглядный поступок, пытаюсь понять, как не повторить его». Все же обесцененность совести сопровождается обесценением внутреннего мира ее обладателей в целом, порождает негативную самооценку личности: «Иногда внутренний голос снижает мою самооценку». Возникает и общая неуверенность в собственных возможностях: «Я чувствую, что моя внутренняя сила мало влияет на то, что со мною происходит», «Совершая совместную работу, стараюсь выполнять указания других и не брать инициативу на себя».

Обобщая эти результаты, представленные в таблице 2, можно высказать гипотезу, нуждающуюся в дальнейших подтверждениях, согласно которой интенсивное использование, погружение в интернет-коммуникации, приводит к редукции, обесценению понятий нравственности, морали и совести, сопровождается в той или иной степени также снижением самооценки, утратой уверенности в собственных силах, возможности влиять на происходящее в жизни, безынициативностью, сомнениями в возможностях при совместной деятельности.

Таблица 2

Значимые коэффициенты корреляции Спирмена между утверждениями опросника ОССС и индексом интернет-зависимости

Номер ОССС	*Утверждения опросника ОССС (в сокращении)*	*Rs*
75	Современный человек может добиться большего, потому что избавился от нравственных химер	0,48*
30	В моей жизни возникали обстоятельства, когда я шел на сделку со своей совестью	0.44*
27	Мой внутренний голос редко подсказывает мне то, с чем я бы когда-нибудь согласился	0.43*
42	Я чувствую, что моя внутренняя сила мало влияет на то, что со мною происходит	0.42*
101	Что-то мешает мне выполнять указания совести	0.41*
89	Когда я совершаю неприглядный поступок, пытаюсь понять, как не повторить его	0.40*
57	Совершая совместную работу, стараюсь выполнять указания других	0.40*
71	Нравственность, мораль, совесть — общие понятия, имеющие слабое отношение к реальной жизни	0.39*
66	Иногда внутренний голос снижает мою самооценку	0.39*
51	Внутренняя правда лежит в глубине моей души	–0.37*
90	Периоды внимания к внутреннему голосу чередуются с периодами полного невнимания или его молчания	0.33

Примечание. Символом «*» отмечены достоверно отличающиеся от 0, с вероятностью не более 5% ошибки, коэффициенты корреляции.

Итак, согласно нашим результатам, и в 2014 году у российских студентов подтверждено вполне благополучное состояние совести, регистрируемое на уровне представлений и понятий о ней. Подобное ее состояние сохраняется в течение последнего десятилетия и оказывается весьма сходным с характеристиками совести китайских студентов, как обучающихся на родине, так и живущих и обучающихся в России. Нами отмечалось выше, что системы близких по содержанию позитивных представлений о свойствах, состояниях и функциях совести в сравниваемых культурах мы назвали «транскультурным инвариантом совести» [3; 12]. Результат сохранности совести в информационную эпоху свидетельствует о достаточной устойчивости нравственного фундамента личности представителей молодого поколения, показанный в некоторых ее слоях, что, в частности, порождает сомнения в справедливости всеохватывающего диагноза «моральный коллапс» в отношении российской молодежи. В то же время в рамках пилотажного исследования получены эмпирические данные о возможных негативных воздействиях современных информационно-коммуникативных технологий на духовно-нравственную и эмоциональную сферу личности пользователей на примере лиц, интенсивно пользующихся глобальной сетью Интернет. Обнаружены значимые корреляционные взаимосвязи между уровнем выраженности интернет-зависимого поведения и рядом негативных нравственных характеристик, указывающие на тенденцию, состоящую в том, что состояние совести подобных «интернет-зависимых» можно характеризовать как более «неустойчивая», «колеблющаяся», обесцениваемая», в сравнении со студентами, не подверженными подобной зависимости.

В заключение заметим, что, безусловно, необходима дальнейшая проверка устойчивости «транскультурного инварианта совести» и на других выборках, прежде всего, состоящих из представителей иных профилей обучения в вузах, в частности, негуманитарных. Необходима также многосторонняя проверка универсальности обнаруженной взаимосвязи между негативными свойствами, состоянием совести и выраженностью разных видов информационно-коммуникативной зависимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бубер М.* Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995.
2. Быстрые потоки информации смещают моральные ориентиры людей. [Электронный ресурс]: Internews Kazakhstan. Режим доступа: http://www.internews.kz/newsitem/15-04-2009/7576. Загл. с экрана. — 27.04.2014.
3. *Ван Хаоюй.* Особенности представлений о совести в структуре жизненных ценностей китайских студентов: Автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2013. 25 с.
4. *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1998.
5. Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е Войскунского. М.: Можайск — Терра, 2000. 432 с.
6. *Извеков А. И.* Проблема личности постмодерна. Кризис культурной идентификации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
7. *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004.
8. *Имамичи Т.* Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 79–80.
9. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2011.
10. *Карелин В. П.* Проблемы и противоречия устойчивого развития социума при переходе к информационному обществу // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2009. Вып. 1.

11. *Манеров В. Х.* Методологические проблемы измерения и результаты исследования свойств и состояний совести// Acta eruditorum. Научные доклады и сообщения. СПб.: Изд-во Русск. христ гуманит. академии, 2009. Вып. 6. С. 3–9.

12. *Манеров В. Х., Ван Хаоюй.* Представления о совести в структуре жизненных ценностей российских и китайских студентов // Аксиология детства и стратегии образования: Материалы XX Международной конференции «Ребенок в современном мире. Ценностный мир детства. 17–19 апреля 2013 г. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2013.

13. *Павлова Е. Д.* Сознание в информационном пространстве. М.: ACADEMIA, 2007.

14. *Партон П. А., Черный Ю. Ю.* Человек в потоке истории. Введение в социологию культуры А. Вебера. М.: Наука, 2006.

15. Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2010.

16. *Сидорина Т. Ю.* Философия кризиса. М.: Флинта; Наука, 2003.

17. *Ситкевич Н. В.* Особенности трансформации нравственных ценностей в условиях информационного общества: этико-философский анализ: Автореф. … канд. филос. наук. Новомосковск: Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2011.

18. *Терещенко М.* Такой хрупкий покров человечности. Банальность зла, банальность добра. М.: РОСПЭН, 2010.

19. *Токарева С. Б.* Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 256 с.

20 *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

21. *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990.

22. *Филина О. А.* Проблемы современной информационной этики: Автореф. канд. филос. наук. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2009.

23. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб.: Наука, 2002.

24. *Эко Умберто.* Нынешнее поколение хвалит зло. Умберто («Le Figaro», Франция). [Электронный ресурс]: STRATEGiUM:: Международное Сообщество Политических Экспертов. Режим доступа: http://strateger.net/Umberto-Eco_Aujourdhui_il_y_a_une_generation_du_mal. Загл. с экрана. — 27.04.2014.

REFERENCES

1. *Buber M.* Problema cheloveka // Dva obraza very. M.: Respublika, 1995.

2. Bystrye potoki informatsii smeshchajut moral'nye orientiry ljudej. [Elektronnyj resurs]: Internews Kazakhstan. Rezhim dostupa: http://www.internews.kz/newsitem/15-04-2009/7576. Zagl. s ekrana. — 27.04.2014.

3. *Van Haojuj.* Osobennosti predstavlenij o sovesti v strukture zhiznennyh tsennostej kitajskih studentov: Avtoref.t dis. … kand. psihol. nauk. SPb., 2013. 25 s.

4. *Veber A.* Izbrannoe: Krizis evropejskoj kul'tury. SPb., 1998.

5. Gumanitarnye issledovanija v Internete / Pod red. A. E Vojskunskogo. M.: Mozhajsk — Terra, 2000. 432 s.

6. *Izvekov A. I.* Problema lichnosti postmoderna. Krizis kul'turnoj identifikatsii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2008.

7. *Il'in I. A.* Put' duhovnogo obnovlenija // Osnovy hristianskoj kul'tury. SPb.: Shpil', 2004.

8. *Imamichi T.* Moral'nyj krizis i metatehnicheskie problemy // Voprosy filosofii. 1995. № 3. S. 79–80.

9. *Kara-Murza S.* Manipuljatsija soznaniem. M.: Eksmo, 2011.

10. *Karelin V. P.* Problemy i protivorechija ustojchivogo razvitija sotsiuma pri perehode k informatsionnomu obshchestvu // Vestnik Taganrogskogo instituta upravlenija i ekonomiki. 2009. Vyp. 1.

11. *Manerov V. H.* Metodologicheskie problemy izmerenija i rezul'taty issledovanija svojstv i sostojanij sovesti// Acta eruditorum. Nauchnye doklady i soobshchenija. SPb.: Izd-vo Russk. hrist gumanit. akademii, 2009. Vyp. 6. S. 3–9.

12. *Manerov V. H., Van Haojuj.* Predstavlenija o sovesti v strukture zhiznennyh tsennostej rossijskih i kitajskih studentov // Aksiologija detstva i strategii obrazovanija: Materialy XX Mezhdunarodnoj konferentsii «Rebenok v sovremennom mire. Tsennostnyj mir detstva. 17–19 aprelja 2013 g. SPb.: Izd-vo Politehnicheskogo un-ta, 2013.

13. *Pavlova E. D.* Soznanie v informatsionnom prostranstve. M.: ACADEMIA, 2007.
14. *Parton P. A., Chernyj Ju. Ju.* Chelovek v potoke istorii. Vvedenie v sotsiologiju kul'tury A. Vebera. M.: Nauka, 2006.
15. Psihologija nravstvennosti / Otv. red. A. L. Zhuravlev, A. V. Jurevich. M.: Izd-vo IP RAN, 2010.
16. *Sidorina T. Ju.* Filosofija krizisa. M.: Flinta; Nauka, 2003.
17. *Sitkevich N. V.* Osobennosti transformatsii nravstvennyh tsennostej v uslovijah informatsionnogo obshchestva: etiko-filosofskij analiz: Avtoref. … kand. filos. nauk. Novomoskovsk: Tul. gos. ped. un-t im. L. N. Tolstogo, 2011.
18. *Tereshchenko M.* Takoj hrupkij pokrov chelovechnosti. Banal'nost' zla, banal'nost' dobra. M.: ROSPJEN, 2010.
19. *Tokareva S. B.* Problema duhovnogo opyta i metodologicheskie osnovanija analiza duhovnosti. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2003. 256 s.
20. *Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla. M.: Progress, 1990.
21. *Fromm E.* Imet' ili byt'. M.: Progress, 1990.
22. *Filina O. A.* Problemy sovremennoj informatsionnoj etiki: Avtoref. … kand. filos. nauk. Tula: Tul. gos. ped. un-t im. L. N. Tolstogo, 2009.
23. *Hajdegger M.* Bytie i vremja. SPb.: Nauka, 2002.
24. *Eko Umberto.* Nyneshnee pokolenie hvalit zlo. Umberto («Le Figaro», Frantsija). [lektronnyj resurs] STRATEGiUM:: Mezhdunarodnoe Soobshchestvo Politicheskih Ekspertov. Rezhim dostupa: http://strateger.net/Umberto-Eco_Aujourdhui_il_y_a_une_generation_du_mal. Zagl. s ekrana. — 27.04.2014.

УДК 159.9 (091); 159.9 (092)

О. В. Клыпа

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА РУССКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В статье обосновывается необходимость рассмотрения социокультурного аспекта для воссоздания процесса зарождения и развития русской психологической мысли. Подчеркивается, что русская средневековая психологическая мысль имеет особенности, отличные от западноевропейской психологической мысли.

Ключевые слова: философия, психологическая мысль, средневековый период, генезис.

O. Klypa

FEATURES OF GENESIS OF RUSSIAN PSYCHOLOGICAL THOUGHT

The article argues the need in considering the sociocultural aspect to reconstruct the process of genesis of Russian psychological thought and emphasizes the differences between Russian and Western philosophy and psychology.

Keywords: philosophy, psychological idea, medieval period, genesis.

Как известно, психология «с самого своего возникновения была ориентирована на философию и на протяжении нескольких столетий фактически была одним из разделов этой науки» [6, с. 5]. В работах А. Н. Ждан, Т. Д. Марцинковской и др. выделены основные этапы развития психологии. Период с VI в. до н. э. до конца XVIII —